

НАШ ЛОЗУНГ—ОЖИВЛЕНИЕ ПРОФСОЮЗОВ (1).

«Весь профессиональный актив, завкомщик, рядовой работник профсоюза — лицом к рабочему».

Товарищи, я хотел бы обратиться к вашему съезду не только как к профессиональному, но как к пролетарскому съезду одного из важнейших наших центров, как к передовому отряду того класса, который стоит в СССР у власти. Само собою понятно, что вам нужно было сосредоточить свое внимание прежде всего на чисто деловых профессиональных вопросах, стоящих перед вами, что вы и исполнили. Но вам ни в коем случае нельзя пройти мимо тех общих вопросов, которые стоят перед рабочим классом нашей страны.

Профессиональное движение в нашей стране никогда не отмежевывалось от политических вопросов, тем более оно не может остаться в стороне от этих вопросов теперь.

Вы знаете, товарищи, что главным, боевым для наших дней является вопрос о деревне, — и это не случайно. Развитие нашей промышленности целиком уперлось в вопрос о нашем деревенском рынке. Наша промышленность не имела бы будущего, если бы она не была обеспечена внутренним крестьянским рынком. И политические задачи наших дней также целиком упираются в вопрос о том, как деревня относится к политике рабочего класса. Рабочему классу приходится каждый раз, каждую минуту в своей деятельности иметь в виду, что он ведет политику в крестьянской стране, в стране с громадным большинством крестьянства. Рабочий класс нашей страны не мог бы победить, если бы он с первых минут революции постоянно не оглядывался на крестьян, не понимал, что победа без поддержки крестьянства невозможна.

* * *

Я хотел поставить перед вашим съездом вопрос о том, какие же обязанности нынешнее положение в стране возлагает на наш рабочий класс.

Рабочий должен остаться руководителем деревни, руководителем крестьянства. Это не надо бояться высказывать вслух.

Иные наши товарищи, попадая в такую деревню, которая маленько ворчит, которая недовольна нынешним положением, не решаются сказать открыто, что рабочий класс — руководитель государства, что рабочий класс руководит крестьянством. Некоторые товарищи стараются произнести эти слова «скороговоркой», так, чтобы крестьянин «не заметил» и не обратил на них особенного внимания. Подобное отношение к чрезвычайно важному для нас вопросу недостойно рабочего и крестьянина.

Руководство рабочего класса государством есть диктатура пролетариата. Мы не скрываем этого ни перед внешним миром, ни перед своей собственной страной. Но надо уметь объяснить крестьянству, что такое диктатура пролетариата. Недоверчивое или враждебное отношение к пролетарской диктатуре, к руководству рабочего класса исчезнет у всякого трудового крестьянина, как только он поймет, что следует понимать под этими словами. Иногда крестьянин ошибочно полагает, что диктатура предоставляет исключительно широкие преимущества рабочим по сравнению с крестьянами. Иной крестьянин думает, что при диктатуре пролетариата рабочий должен смотреть сверху вниз на крестьянина. Мы должны доказать крестьянству, что диктатура пролетариата есть руководство старших, более организованных и опытных в политической и хозяйственной борьбе товарищей, рабочих, своим братом — крестьянином. Когда мы крестьянству разъясним, что диктатура пролетариата не есть командование сверху, а помощь ему со стороны рабочего класса, на который ложится главное бремя управления, главная тяжесть руководства страной, когда мы дадим понять крестьянину, что рабочий считает его таким же трудящимся, как и он сам, но живущим в другой обстановке, тогда наш крестьянин — я говорю не о заводных кулаках, а о громадной массе крестьян — не будет против диктатуры пролетариата.

Наступило время, когда мы должны растолковать деревне эту чрезвычайно важную истину.

Был период, когда деревня видела диктатуру пролетариата с тяжелой для нее стороны. Из Ленинграда и других городов отправлялись в села и деревни вооруженные рабочие отряды, чтобы какой угодно ценой добыть излишки хлеба. На самом деле не всегда приходилось забирать излишки. Часто у полуголодного человека отбирали его небольшие запасы. Крестьяне видели тогда диктатуру пролетариата в неприглядном свете.

Но рабочий класс не мог в то время поступать иначе. Всей нашей стране и революции угрожала гибель. Тяжелая лапа иностранных хищников, мировых империалистов давным-давно придавила бы нас, если бы мы в то время не применяли стойко железных методов диктатуры, если бы мы не могли собрать по горсточке того хлеба, который нужен был армии и изголодавшимся рабочим. Мы должны были разбить белогвардейщину, поддержать наш транспорт, сохранить жизнь на фабриках и заводах—другим путем мы бы этого не осуществили.

Но мы бы, товарищи, совершили величайшую ошибку, если бы считали, что диктатура пролетариата должна всегда осуществляться жесткими мерами и способами. Недавно была опубликована работа т. Ленина, написанная им еще в 1921 г. (2), в которой он говорит, что скоро наступит время, когда рабочие должны будут руководить крестьянством все более и более мягкими способами. И теперь именно наступило такое время.

Дело не в том, чтобы рабочие превратились в слабый, колеблющийся, неустойчивый класс. Крестьянин ценит крепкую руку, он хочет иметь надежного, умелого, энергичного и стойкого руководителя. Он хочет, чтобы им руководил класс с железной рукой, знающий, что власть надо употребить там, где никакие другие средства не действуют. Свою силу рабочий класс должен сохранить и сейчас. Но в нынешней обстановке, которая для нас гораздо более благоприятна, чем в 1917 или в 1921 году, рабочий класс должен осуществлять свое руководство крестьянством в более мягких формах. Крестьянин должен чувствовать умелую твердую руку и в то же время товарищеское руководство, заботу и внимание к себе со стороны рабочего класса. Крестьянин должен сознавать, что рабочий класс состоит не из людей, которые сверху вниз смотрят на него, не из крикунов и бюрократов. Крестьянство должно видеть, что рабочий класс умеет сочетать в своем руководстве твердость и стойкость с мягкостью и чуткостью; должно видеть, что нет другого класса, столь организованного, опытного, столь твердого в своей внешней и внутренней политике, так ясно знающего свою дорогу, как рабочий класс.

Ныне рабочий перевел дыхание, он живет несколько лучше, чем раньше, легче дышится и крестьянину. Именно теперь рабочий класс должен в новой обстановке по-новому осуществлять руководство страной. Рабочий класс смотрит на крестьянство не

как на «суррогат союзника», не как на временного союзника: нет, мол, другого, настоящего союзника, придется мириться и с этим, «на безрыбьи и рак рыба». Дело обстоит не так.

Рабочий класс смотрит на крестьянство как на первый после него по важности класс для победы трудящихся и строительства социализма. Рабочий не требует для себя преимуществ и привилегий, он не собирается командовать и обирать крестьянство в каких-либо своих частных интересах. Рабочий класс имеет лишь то преимущество, что живет в городах громадными массами, имеет за собой почти 50-летний организационный и политический опыт, прошел через 3 революции; он более грамотный, более организованный класс, в политике больше смыслит. Своим опытом рабочий должен поделиться с крестьянством; он должен помочь ему.

Если мы так разъясним крестьянину настоящее значение диктатуры пролетариата, если мы будем по-новому, как этого требует нынешняя обстановка, осуществлять рабочую диктатуру, тогда громадная масса крестьянства нас поймет и за нами пойдет. Основная задача наших дней — дать понять широчайшей массе крестьянства, как рабочий класс смотрит на свою руководящую роль в нашем государстве, показать крестьянству, что сейчас диктатура будет осуществляться не методами 1920 и 1921 годов, а в новых, более мягких и гибких формах.

Пройдут 2—4 года, и мы будем применять еще более мягкие формы руководства. Еще больше будет стираться грань между городом и деревней. Социализм не может победить полностью, пока между городом и деревней существует пропасть. Товарищ Ленин призывал рабочих помогать крестьянству поднимать земледелие и улучшать свою жизнь, чтобы стерлась пропасть, чтобы исчезла пропасть между городом и деревней. Этому учит и программа нашей партии. Такова наша генеральная линия, от которой мы должны теперь отправляться, с которой мы не можем сбиваться. Лозунг «лицом к деревне» выдвинут не для каких-нибудь демагогических целей, не для того, чтобы «уловлять мужика», не для того, чтобы втереть ему очки, не для того, чтобы говорить ему пустые слова. Да крестьянин словам и не поверит, он реалист, практик, он требует дела. Нет, ло-

зунг «лицом к деревне» выдвинут теперь именно потому, что настало время действительно направлять все внимание туда, в деревню.

Если мы не поднимем хозяйства деревни, как следует, если наша деревня не будет дальше развиваться хозяйственно, то очень скоро для нашей промышленности создастся такое положение, когда ей не на кого будет работать. Если раньше бывало, что наши фабрики и заводы не работали из-за недостатка топлива или сырья, то сейчас мы подходим к тому времени, когда вопрос о рынке станет главным для нашей промышленности. Разумеется, у нас может быть один только рынок для сбыта изделий нашей промышленности, это — наш внутренний, прежде всего крестьянский рынок, это в первую голову — сто миллионов крестьян, составляющих основную массу покупателей продуктов нашей промышленности.

Надо, товарищи, раз навсегда понять, что лозунг «лицом к деревне» касается не только рабочего-партийца, не только коммунара, — он относится ко всему рабочему классу. Рабочий класс в целом, как строитель революции, должен главное внимание уделить теперь деревне. Рабочий должен повернуться лицом к деревне, не только потому, что он социалист, что он руководитель всей страны, но и как продавец рабочей силы, как участник производства, нуждающегося в крестьянском рынке.

Посмотрите, как английские рабочие, даже их отсталые слои, заинтересованы в союзе с СССР. Какие чувства толкают их на союз с нами? Английский рабочий рассуждает не только как интернационалист. Конечно, он хочет помочь нам. Но вместе с тем он рассматривает нашу страну как огромный рынок сбыта для английской промышленности. Он рассчитывает, что торговые отношения с нами ослабят безработицу в его стране, повысят его заработок. Так рассуждает иностраный рабочий, оглядываясь на нашу деревню, на нашего мужика, на наш крестьянский рынок. Тем более для каждого нашего рядового рабочего должен стать ясным, понятным и близким лозунг «лицом к деревне». И не только для того, кто живет интересами всего класса, не только для коммуниста, не только для революционера, но даже и для того пролетария, который смотрит на себя как на продавца своей пары рабочих рук, должно стать вполне понятным значение этого лозунга.

Под руководством рабочего класса деревня должна развиваться

хозяйственно. Деревня должна подняться хозяйственно и культурно. Трехполка должна быть оставлена позади. В деревне пока 40 процентов безлошадных — но деревня должна возможно скорее иметь лошадь и трактор. Вместо соломенной крыши — железную. Хорошая народная школа — вот что нужно нам.

На съезде советов РСФСР, происходившем недавно, после доклада Наркомздрава один за другим потянулись на трибуну десятки крестьян и крестьянок. Каждый из них горячо и с чувством говорил: «В городе есть и больницы, и амбулатории, и родильный приют. Рабочих посылают на курорты и в дома отдыха. А посмотрите, что делается у нас в деревне: мы остаемся без всякой врачебной помощи, крестьянке негде родить, захворал и некуда податься, некуда деться, не от кого ждать помощи»... И на Всесоюзном съезде советов (3) мы находились под впечатлением таких же речей крестьян: «У вас в городе растет культура, поднимается вся жизнь: у вас ходят трамваи, все спосно одеты, у вас педурные столовые, палажена и школа, и больница. А в деревне нужда, темнота, отсталость. У нас еще целые уезды гибнут от тяжелых эпидемий и не могут получить элементарной помощи от Советской власти и рабочего класса».

Товарищи, эти голоса звучали вполне убедительно. Действительно, положение в деревне много тяжелее и хуже, чем в городах.

Задача работников и в центре и на местах поэтому и заключается в том, чтобы свою политику и всю свою хозяйственную работу теперь строить, именно имея в виду необходимость, и по политическим и по хозяйственным причинам, во что бы то ни стало нашу деревню поднять. Было бы неверно рассчитывать, что мы, коммунисты, одни можем проделать всю огромную работу в деревне. Нет, только рабочий класс в целом при полном напряжении всех своих сил сможет в течение ряда лет справиться с той громадной задачей, которая перед нами стоит сейчас по отношению к нашей необъятной деревне.

Тот рабочий, который хочет осуществлять правильную, умную, целесообразную и успешную диктатуру своего класса, тот рабочий, который хочет руководить крестьянством не год и не два, но стремится действительно поднять деревню, двинуть решительно промышленность по пути величайших успехов, который хочет оградить страну от возможного нападения какой бы то ни было буржуазной державы, рабочий, который намерен по-

строить социализм вместо ненавистного капитализма, — такой рабочий должен теперь устремить все свое внимание на деревню.

Мы должны в нашей деревне теперь не какие-нибудь хоромы создавать — печего впустую мечтать и говорить — мы должны построить в деревне споспую больницу, удовлетворительную школу, починить мосты, поддержать шоссе, помочь трактором, начать действительно возрождать все хозяйство деревни. Мы должны помочь безлошадным. Безлошадных т. Ленин в своих произведениях называл пролетариями. Он говорил, что безлошадный — родной брат рабочего, тот же пролетарий, но только с наделом. А безлошадные составляют у нас 40 процентов всего населения деревни.

И понятно, товарищи, что не только ваш съезд, съезд профсоюзов Ленинграда, но и любой рабочий съезд должен уяснить себе, почему именно вопросы деревни стали теперь на очередь. Не для красного словца, не для сотрясения воздуха мы выдвигаем этот лозунг. К деревне ведут нас все пути. С какого бы угла вы ни подошли к нашей действительности, — вы придете все к тому же вопросу, к вопросу о деревне.

Ваш съезд уделил немало внимания и хозяйственным вопросам. Понятно, что такой город, как наш, живет одной жизнью со своей промышленностью, зависит от ее судеб, но вопрос о промышленности, как вы знаете, надо ставить с точки зрения интересов нашего союза с крестьянством. Когда из далекой деревни раздается голос, что в Ленинграде трактор еще плох, то над этим упреком надо призадуматься. Да, наш ленинградский трактор еще плоховат по сравнению не только с заграничным, — он хуже и трактора наших южных заводов. Наш трактор слабоват — нужно зарубить это на носу. Дальнейшее развитие каждого нашего завода упирается в вопрос о деревне, в вопрос о том, как деревня примет наш трактор, как она примет скороходовские сапоги, как она примет наш ситец, как она примет халтуринские нитки, как она оденит нашу электрификационную работу и т. д.

Мы получили недурной заказ с Кавказа на половинное оборудование нефтепровода, предположенного к постройке. Мы должны на этом заказе показать свое умение работать. Все наше

хозяйство составляет одно целое. Одно цепляется за другое: трактор — за паровоз, паровоз — за ситец, ситец — за нитки, нитки — за спички; все это вместе составляет сейчас ленинградскую промышленность. От качества наших ниток, нашего ситца, нашего паровоза, нашего трактора зависит, товарищи, и победа Ленинграда, укрепление ленинградской промышленности, рост социальной мощи Ленинграда; от этого зависит успех лозунга «лицом к деревне», рост благосостояния нашей деревни и всей страны.

* * *

На вашем съезде немало толковали о производственных совещаниях. Мне кажется, что эти совещания нужно беречь как зеницу ока, ибо они сейчас — почти единственная питочка, которая связывает работу союза с работой производства. Было время, когда профсоюзы интересовались производством слишком много, по крайней мере, формально, по крайней мере, в верхушках, и слишком мало интересовались своими задачами в области обслуживания рабочих, в области заработной платы. В последние годы замечается несколько иное положение.

Союзы принимают мало участия в составлении производственных планов и конструировании хозяйственных органов. Такое обстоятельство объясняется тем, что главные хозяйственные органы уже составлены, и теперь этому вопросу приходится уделять внимание лишь частично. Профсоюзы последний год должны были заняться в первую очередь вопросами заработной платы и быта. Но сейчас хозяйственные задачи приобретают первенствующее значение, они берут верх над другими, ибо эти задачи решают в вопросе о деревне, — именно теперь профсоюзы должны уделить больше внимания производственным вопросам. И я не вижу другой формы массового участия профсоюзов в производстве, помимо наших производственных совещаний.

Мы не знаем еще, что вырастет из этих зернышек — производственных совещаний. Нельзя еще сказать, чтобы мы имели ясную и точную картину того, что представляют собой наши производственные совещания. Содержание их работы понимается местами различно: кое-где сбиваются на то, чтобы превратить их в технические совещания, в иных случаях они обрастают в парламенты, где много рассуждают и принимают сотни решений, из которых большинство не выполняется. Неясна еще судьба

этих совещаний, но несомненно то, что мы зацепились здесь за нечто живое, что производственные совещания — мостик к участию широкой рабочей массы в производстве, узкий, почти единственный мостик; остальные мосты, к сожалению, сожжены.

Вас интересовали здесь, и не могли не интересоваться, вопросы заработной платы. В резолюции по докладу т. Дзержинского на последнем съезде советов намечены перспективы дальнейшего медленного, но систематического поднятия заработной платы.

Само собой понятно, что наша заработная плата далеко еще недостаточна. Мы все еще наше хозяйство измеряем довоенным уровнем, мы с гордостью отмечаем, например, что имеем 75% довоенного уровня производства. Мы также меряем еще и высоту заработной платы тем же масштабом довоенного уровня. Понятно, рабочие делали революцию не для того, чтобы заработная плата оказалась ниже довоенного уровня. Они творили революцию, между прочим, и для того, чтобы заработную плату поднять много выше довоенного уровня. А у нас, товарищи, нет еще довоенного уровня, как в производстве, так и во всем хозяйстве. Но уже близко то время, когда довоенный идеал останется позади. И через несколько лет мы еще будем измерять свое хозяйство и заработную плату довоенным уровнем, но уж в том смысле, что будем учитывать, насколько наш уровень выше довоенного. Покамест заработная плата ниже довоенной, она, несомненно, еще низка.

Вопрос о производительности труда был поставлен недавно довольно жестко, нажим тут был серьезный. И если брать нынешнее положение с точки зрения какой-нибудь отвлеченной справедливости, то можно было бы сказать, что заработная плата для рабочего несправедливо низка, а нажим в области производства несколько жесток. Но, товарищи, мы не можем ставить такой большой вопрос только с точки зрения справедливости по отношению к той или иной группе рабочих.

Надо было вам, товарищи, послушать тех же самых крестьян на нашем съезде, услышать, что они говорили не только по докладу Народного Комиссариата Здравоохранения, но и по вопросу о производительности труда и заработной плате рабочего.

Крестьяне уверяют, что город непомерно много берет у деревни. Они считают до сих пор, что цены на продукты нашей промышленности слишком высоки. Высокие цены они объясняют еще и тем, что мы выплачиваем будто бы слишком высокую заработную плату, что мы не по одежке протягиваем ножки, что мы недостаточно, по их мнению, нажимаем с целью повышения производительности труда. Конечно, с точки зрения того, что наш рабочий класс измучился, исстрадался и понес величайшие жертвы за год революции, — с этой точки зрения надо признать, что несправедливо прибегать к еще большему нажиму в области производительности труда. Наоборот, было бы вполне справедливо перестать скаредничать в области заработной платы. Но если, товарищи, приглядеться к положению вещей во всем государстве, особенно в нашем сельском хозяйстве, то совершенно ясно, что мы принуждены идти вперед с гораздо большим нажимом, чем шли до сих пор.

Вот почему и вопрос о заработной плате вы должны ставить не как цеховики. Мы не имеем права ставить так вопросы. Мы — рабочий класс, стоящий у власти, управляющий всей страной, ведущий за собою крестьянство. Наш рабочий класс во все тяжелые годы революции держал власть в своих руках не для того, чтобы затем ее выпустить, но для того, чтобы ее закрепить. Закрепление власти в руках пролетариата возможно только с ростом нашего хозяйства.

Вот почему, товарищи, каждый сколько-нибудь важный, пусть даже чисто профессиональный, пусть даже просто технический, вопрос приходится оценивать и разрешать с точки зрения материальных источников и ресурсов всего государства. Рабочий класс, взявший на себя впервые в мировой истории величайшую задачу перестроить всю государственную машину и общественную жизнь, должен во что бы то ни стало довести свое дело до конца.

Мы говорили здесь, что для руководства крестьянством нужны более мягкие формы осуществления диктатуры, нужно усиление выборного начала. Тем более нужно развить выборное начало в отношении руководящих органов нашего рабочего класса. Если мы выдвинули лозунг оживления сельских советов, то для нас не менее важной является и задача оживления наших про-

фессиональных союзов. Эта задача возлагает на нас очень серьезные обязанности. Мы должны теперь строить наши профессиональные организации на принципе гораздо большей свободы выборов, чем раньше. В самые тяжелые времена гражданской войны бывало, что передовые пролетарии составляли иногда и меньшинство в рабочей массе. Рабочая масса не всегда выдерживала достаточно стойко все испытания и лишения, которые требовали революция и гражданская война. Массы иногда сбивались с пути, и их передовому отряду, этому меньшинству, приходилось их удерживать от ошибок в моменты таких колебаний. В это время мы вынуждены были применять жесткие меры диктатуры. Бывало, что при выборах наших профсоюзных правлений, заводских комитетов — этого скрывать нам нечего — мы навязывали свое мнение избирателям, назначенствовали. Но мы в то время исходили не из эгоистических, узко-партийных интересов, — нами руководило сознание тех громадных обязанностей, которые были возложены на нас революцией и рабочим классом в целом. Иначе мы не смогли бы тогда сдementировать рабочий класс, а через него и всю страну. Такое положение сохранилось еще в довольно большой степени и сейчас.

Но теперь наступили другие времена. Было бы ошибкой применять сейчас те же самые методы, что и раньше. В настоящее время нам нужны здесь какие-то новые методы. Я читал речь т. Дементьева с завода имени Марти, выступавшего на вашем съезде; он сказал, что, наряду с лозунгом «лицом к деревне», нам надо выдвинуть и другой лозунг: «ответственный работник, лицом к рабочим!» Такой лозунг мы должны принять, но его надо и много расширить. Не только ответственный работник, но и весь профессиональный актив — завкомщик, рядовой работник профсоюза — лицом к рабочему! (Бурные аплодисменты.)

Дело не только в том, что наши верхушки должны показать пример в осуществлении нового лозунга. Дело не только в том, что мы, грешные, сидящие на самых верхах, да и вы, не всегда безгрешные, сидящие не на самых верхах, но и не на самых низах, иногда заявляли: «валяй по списку, что мы тут будем рассусоливать, мы лучших людей предлагаем — зачем же мы будем еще разводить всякую канитель». Я знаю, что и вы и мы говорили это не от худого сердца, а в глубокой уверенности, что предлагаем действительно самых подходящих людей, т. е. исходя из лучших желаний и намерений. Вы были уверены, что

составите список лучше, чем собрание, в котором многие друг друга мало знают. Но надо, чтобы преимущества вашего списка поняла и проверила на собственном опыте рабочая масса. Мало ли что вам кажется ваш список наилучшим; а рабочие иногда думают, что лучше избрать Ивана Петрова. Его в списке нет, ибо мы считаем его «крикуном» или, как теперь говорят, «бузотером» — но рабочая масса в него еще верит.

Каков наш вывод отсюда? Проверь, посмотри: если Иван Петров окажется действительно подходящим работником и принесет пользу — мы будем рады; но если он на работе покажет себя горлопаном — масса сама убедится, что он ни кооператива не построит, ни РКК не сможет повести, что ничего создать он не в состоянии. Масса сама его уберет тогда. Было время, когда мы не могли позволить себе роскоши делать такую проверку, а сейчас мы не только можем, но обязаны так делать, если мы хотим действительно, чтобы профсоюзы стали подлинной школой коммунизма, школой хозяйственного и всякого иного строительства.

Говорят, что у нас профессиональный актив обнимает десятки тысяч человек, чуть ли не один союз металлистов имеет не то 20, не то 30 тысяч. Я не знаю точно настоящих цифр, но откровенно скажу, что приводимые цифры мне кажутся несколько преувеличенными. Если действительно брать актив настоящий и не обманывать самих себя, не надевать розовых очков, не приставлять лишних нулей, то цифры, вероятно, окажутся ниже. Нам не нужна бьющая в глаза статистика, нам нужен действительно многочисленный рабочий актив.

Сейчас наступил такой момент, когда наши союзы могут и должны стать громадной мастерской человеческого опыта, организаторского опыта по строительству, гигантской школой, которая будет выдвигать работников для ряда областей работы. Наступило время, когда мы должны жещин-работниц втягивать в организацию и из их среды выдвинуть определенный актив. Бросим старые позорные привычки, которые сводятся к тому, что завком, состоящий в большинстве из работниц, мы называем «бабьим». Старые времена отошли, надо понять, что социализм требует поголовной организации трудящихся.

Мы называем себя ленинцами, мы ленинский опыт и заветы

хотим проводить в жизнь. Ленин учил нас вот чему: присмотримся, — говорил он, — к нашему классу, как он развивается. Сначала рабочие втягиваются в отдельные стачки, затем в общие стачки, затем в восстания, затем в гражданскую войну, постепенно поднимаются все большие и большие массы, и чем больше поднимаются массы, тем выше этап классовой войны. Самый высокий этап для рабочего класса — это построение социалистического общества. Для построения социалистического общества, для этого самого высокого этапа, требуется поголовная организация трудящихся.

* . *

Товарищи, мы и должны теперь стремиться к поголовной организации трудящихся. Приписные, мертвые души бесполезны. Нам нужны действительные, живые участники нашей организации, в которой каждый занимал бы свое место, работал, учился и учил бы других. Мы должны суметь через наиболее крепкие звенья извлечь, вытащить из всей людской массы и последующие звенья: попался нам крепыш из рабочей массы, мы его втягиваем в нашу организацию, а за ним тянутся еще новые слои, его знакомые, товарищи, окружающая его среда. Только так мы можем достигнуть поголовной организации нашего класса.

Мы к этой задаче теперь подошли вплотную. И вот тут, товарищи, придется нам немножко больше налечь на выборность. Да, мы презираем, плюем с высоты любого, можно сказать, этажа на презренную буржуазную демократию. Нет слова, которое было бы более затасканным, протитуированным, обоганным, чем «демократия». Вы знаете, что Цанков⁽⁴⁾, который буквально каждый день пьет живую кровь рабочих, тоже считается «демократом». Мы ненавидим буржуазию и лицемерную демократию, но вместе с тем мы знаем, что внутри нашего рабочего класса необходима демократия. Бросим старое, лживое слово, возьмем его понятие. Нам необходима выборность, необходима строгая подотчетность, необходимо развитое чувство ответственности в нашей среде.

Нам необходимо понять, что «незаменимых» нет. Напрасно вы думаете, что ваш список из 15 человек содержит действительно «самых незаменимых». Рабочая среда может выдвинуть неисчерпаемое количество сил, еще неведомых нам, еще не проверенных на деле, на общественной работе. Надо глубже зачерп-

нуть в рабочей массе. Вот почему в деле построения профорганизаций, как руководящих, так и низовых, мы должны не на словах, а всерьез и надолго перейти к новым методам работы.

Завкомы, эти маленькне низовые профессиональные штабы, имеют громадное значение в деле воспитания рабочего класса и поднятия нашего хозяйства. Нам нечего бояться выдвигать на работу в завкомах и других профорганах беспартийных рабочих, особенно в таком мощном пролетарском центре, как наш Ленинград. Мы знаем прекрасно, что более или менее активный, ныне еще беспартийный, рабочий наверняка через год-полтора-два будет в рядах нашей партии, в этом мы не сомневаемся ни на минуту. Для нас ясно, что наступает момент, когда грань между партийным и беспартийным рабочими становится уже скользящей, почти невидимой. Еще год-два работы в области поднятия нашего хозяйства, дальнейший рост грамотности, организованности в рабочей массе, рост партии — и в таких центрах, как Ленинград, грань между партийными и беспартийными совершенно исчезнет. Почему же нам не выдвигать на работу беспартийных рабочих? Привлечение новых пролетарских кадров к работе в наших профорганах несомненно принесет нам огромную пользу. Нам надо понять, что бюрократизм гнездится не только на самых верхушках наших организаций, но очень часто и в наших завкомах. На этом съезде участвует большая группа завкомщиков, но я говорю вам эту правду, так как полагаю, что вы приглашали меня не только для того, чтобы я говорил вам приятные вещи, которые ласкают слух. (Смех. Аплодисменты.)

Выступавший сегодня на этом собрании товарищ говорил, что завкомы имеют большое влияние на массы. Конечно, они имеют влияние на массы, другое положение было бы позором для Ленинграда. Я не сомневаюсь, что завкомы имеют влияние на массы, но я считаю, что мы можем и должны во много раз это влияние увеличить, мы должны поднять завкомы и их работу на недостижимую высоту. Дело тут не только в демократии. И рабочий будет прав по-своему, когда спросит: «а что стоит у тебя за демократией, что она даст для поднятия хозяйства, культуры, поможет ли она мне поправить жилье, поднять заработную плату и т. д.? Конечно, мы говорим не о какой-то отвлеченной демократии, но о таких способах работы, которые и

улучшат жизнь рабочего, и поднимут наше хозяйство. Вот что будут ценить рабочие. Мы и думаем, что наши завкомы могут и должны подняться на такую высоту, что будут иметь беспредельное влияние на массы, что станут действительно наиболее важными деловыми органами в стране, наиболее близкими к рабочей массе.

Вы знаете, что у нас иногда еще бывало так (правда, давно уж этого не было и, надеюсь, не будет, но раньше бывало), что все рабочие на заводе организованы в профсоюзы, коллектив партийный на заводе большой — в несколько сот человек — и вдруг случается там такая маленькая неприятность: на этом же самом заводе начинается забастовка, и возникает она без ведома и коллектива, и завкома, и профессионального актива. А между тем все работники из этих организаций считают себя очень хорошими ребятами и очень влиятельными в рабочей массе. Так вот, товарищи, таким вещам мы должны положить конец раз навсегда; мы должны добиться такого положения, чтоб завком чутко улавливал малейшее движение и колебание в рабочей среде. Как говорят, муха пролетит, и завком должен услышать. Он должен слышать, как трава вокруг растет, а не только назревающую забастовку (апладисменты), и если рабочим на заводе становится очень трудно, то завком должен первым сказать нам об этом, завком должен первым откликнуться. Завком должен быть самым чутким инструментом с великолепными струнами, отражающим самое легкое движение вокруг.

Но, товарищи, положи руку на сердце, скажите: разве у нас до сих пор существовал такой инструмент, даже в Ленинграде, даже среди самых организованных союзов? Нет, конечно. Да и требовать от профорганизаций такой чуткости и организованности несколько лет тому назад было бы утопией, было бы смешно, а теперь можно и должно.

Вот почему мы и говорим, что на тех местах, откуда мы руководим рабочим движением, мы сделаем все, чтобы этот инструмент наладить и слово превратить в дело. Но мы товарищески просим и вас, пизовых и средних активистов-профессионалистов, членов фабзавкомов и активных работников профсоюзов, составляющих настоящую живую ткань нашего профессионального движения, мы просим и вас понять, что наступило новое время. А раз новое время, то — новые песни, новое дело, новые способы работы.

Незачем вам искать «наиболее легких» способов. Незачем досадливо морщить нос, как делают иные наши организаторы, которые отмахиваются от всех этих выборов, перевыборов и т. д. «Надоело, говорят нам, болтologia одна». Надо понять, товарищи, что мы руководим громаднейшей страной, с населением более чем в 100 миллионов человек. Наше руководство не может быть таким, какое мы знали в старые времена: наше руководство не может опираться ни на что другое, кроме сознательности и организованности всей массы. Исключительно благодаря своей сознательности и организованности рабочий класс мог добиться власти, и только организованностью и сознательностью он может теперь вести дело и дальше.

Конечно, не надо сулить окружающим несбыточных вещей. Мы не обещаем сотворить чудеса. Надо по-честному, по-пролетарски взяться за организацию работы по-новому. Если мы надеемся нашу огромную почти неграмотную деревню перестроить и организовать по-новому, неужели мы не сможем организовать по-новому и наши рабочие кадры, особенно в таком центре, как Ленинград?

Я думаю, что в этом смысле наш съезд профсоюзов сыграет решающую роль для профессионального движения не только Ленинграда, но и всего Советского Союза. Голос ленинградских рабочих в этом вопросе прозвучит достаточно полновесно и найдет отклик во всем нашем профессиональном движении. Он прозвучит сигналом, который вызовет это и среди передовых рабочих за границей, присматривающихся к тому, как мы строим новую жизнь и организуем новые слои трудящихся. Ленинград должен тут сказать решающее слово.

Ваш съезд имеет громадное значение для судьбы Ленинграда. Ленинград — первый город революции, он пробуждается к новой жизни верно, но медленно. Можно сказать, что самая тяжелая пора осталась позади. Однако, товарищи, только вы, подлинные хозяева ленинградских фабрик и заводов, можете добиться того, чтобы Ленинград маршировал быстрее вперед в области хозяйства и культуры. Население города, его промышленность растут,

заказы мы получаем, нагрузка неплохая. В 1926 году мы впряжем в работу и Волховстрой. Квалификация труда медленно, но верно поднимается.

Ныне лишь первый год, как мы взялись за строительство рабочего жилья. Мне пришлось вчера посмотреть, какие дома строятся в Невском (Володарском) районе. Нужно сказать, что эти дома еще плоховаты. Надо принять меры, чтобы поправить это дело в самом начале. Конечно, сначала будут промахи, пока мы не научимся строить как следует, но уже самый факт, что за Невской заставой можно увидеть десятка три-четыре новых домов, пусть пока еще и плохих, этот факт должен окрылить каждого сколько-нибудь честного рабочего-ленинградца.

Мы должны были раньше с тяжелым сердцем смотреть, как гибли заводы, фабрики, как все шло вниз; и даже наши друзья стали тогда терять веру в промышленность Ленинграда, в ленинградских рабочих. Тяжелое время прошло. Вера в Ленинград растет. Дело идет вперед; через один-два года нельзя будет узнать Ленинграда. Но, товарищи, в последнем счете судьбы Ленинграда держат в своих руках профессионально организованные рабочие, представителей которых мы видим в этом зале. Сознание огромной задачи и заботы, возложенной на вас революцией, не должно покидать вас во всей вашей работе.

Каждый из вас должен выполнять ту работу, которая на него возложена. Но во всей работе должна господствовать одна задача: поднятие нашей ленинградской промышленности. Наша промышленность должна быть в состоянии конкурировать со всеми однородными областями промышленности Союза, потому что мы не можем и не будем получать заказы только «ради прекрасных глаз». Мы должны давать лучшие товары по более дешевой цене, иначе не будут нагружены наши фабрики и заводы. Наши рабочие должны жить не в конурах, а в помещениях, достойных ленинградских пролетариев. Мы должны сознавать, что стоим лишь в начале нашей великой работы. Весь СССР, крестьянство нашей страны ждет помощи от Ленинграда.

Станем «патриотами», в лучшем смысле этого слова, патриотами ленинградской промышленности, ленинградского рабочего, ленинградского профессионального движения! И вместе с тем будем смотреть на себя как на передовой отряд рабочего класса революционной страны. Всегда, в самые трудные и ответственные для всей Республики и революции моменты первое слово,

первый призыв Ильича был направлен к ленинградским рабочим. И сейчас, когда мы начинаем величайшее, невиданное еще в мире строительство, когда мы поднимаем нашу деревню к сытой, здоровой, культурной жизни, когда мы действительно реализуем программу Октябрьской революции, — теперь на ленинградских пролетариев ложится особенно выдающаяся и почетная задача: в новом, великом деле быть впереди, стоять в первых рядах!

Товарищи, я высказываю уверенность, что продвижение Ленинграда, представленное на этом съезде, осознает свою задачу, Ленинградский пролетариат будет бороться, работать и строить новую жизнь, как авангард в авангарде, как передовой слой в передовом классе, как лучшая часть наиболее стойких, наиболее организованных, наиболее культурных, наиболее преданных пролетарской революции и нашей великой родине рабочих.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹⁾ «Наш лозунг — оживление профсоюзов» — речь т. Зиновьева, произнесенная на VI съезде профсоюзов Ленинградской губ., состоявшемся в июне 1925 г.

²⁾ См. журнал «Большевик», орган ЦК РКП, № 7, 1925 г., Москва.

³⁾ Последний Всесоюзный съезд Советов — III съезд Советов СССР; происходил в мае 1925 г., в Москве.

⁴⁾ Цанков Александр — лидер «народного демократического сговора», блока буржуазных партий. В июне 1923 г., с помощью отрядов правых македонских автономистов и остатков врангелевской армии, совершил военный переворот в Болгарии, стал во главе правительства. Свергнув крестьянское правительство Стамболийского, ввел в стране суровую военную диктатуру, разгромил болгарскую рабочую кооперацию, загнал в подполье коммунистическую партию. В сентябре 1923 г. потопил в крови восстание болгарских крестьян и рабочих. Яркий противник коммунизма, вождь болгарской реакции.